

Боречке — сто два года!

МОСК. ПРАВДА — 2002 — 26 СЕНТ. — С. 6.

Это не более чем беседа с другом, с которым пересекались на разных этапах жизни, начиная с моих довоенных школьных лет, когда мы чуть ли не ежедневно собирались в доме Бориса Ефимова, поскольку в числе одноклассников были его приемный сын Александр Фрадкин и живший в том же доме Георгий Арбатов, в то время круглый отличник.

И еще потому, что дом, где жили Ефимовы — на углу Калеевской и Садового кольца, — был рядом со школой. Построенное для сотрудников Наркомата

— А знаете, как мы вас называли за глаза?

— Догадаться нетрудно: старый хрыч.

— Догадка с «точностью до наоборот»: мы вас звали Боречкой. Так и до сих пор осталось, вот на днях телефонный звонок: «Не забудь, в субботу Боречке — 102 года». Вы всегда были в компании самым веселым и находчивым. Когда я слушаю, как Ширвинт и Державин изображают «синхронный перевод», вспоминаю, что то же самое вы делали вместе с поэтом Юрием Смирновым 60 лет назад. Помните?

— Еще бы, он говорил два слова «по-иностранныму», а я «переводил» очень долго и подробно. А в конце он закатывался на четверть часа, а я ограничивался словами: «Он кончил».

— Если бы в то время существовал КВН, вы бы, конечно, были капитаном. Кого из друзей вы включили бы в команду?

— Симонов писал, что взял бы с собой и врагов. Я бы обошелся. А вот Кукрыниксы, Сойфертич, Гроссман, Долматовский, Исаковский, Лебедев-Кумач — все это добрые друзья, они всегда со мной, хотя и ушли из жизни. Конечно, команду КВН не скомплементуешь без таких юмористов, как Виктор Ардов и Иосиф Прут. С годами все больше ощущаю одночество с уходом друзей. Как быть? Нашел выход: пишу о них. О Викторе опубликовал очерк «О нем вспоминают добром». А драматург Иосиф Прут! Если верить в переселение душ, то к нему переселились минимум три: д'Артаньяна, Сирено де Бержера и барона Мюнхгаузена. Впрочем, его жизнь была так богата событиями, что никакому барону не снислось. В Первую мировую сражался под Верденом, был в Первой конной Бундэндю, участвовал в Отечественной. А до того, еще 15-летним пареньком, по рекомендации Ленина перевозил материалы Цюрихского революционного центра в Турин для социалистической газеты «Аванти». И при всем том был неисправимым хохмачом. Когда при входе в Дом кино, куда пропускали только его членов, Прута спросили: «Член Дома?» — он ответил: «Нет, всегда держу при себе». Кстати, вопрос задал, не узнав Прута, сам Пырьев, директор.

— Раз уж речь зашла о юмористах, хотелось бы спросить, видите ли вы разницу между карикатурой времен вашей молодости и нынешней?

— Разница огромная. Раньше, по определению Горького, карикатура рассматривалась как социально-значительное и полезное искусство. Сегодня это не всегда так.

— А как обстояло дело с юмором у «всех времен и народов»? Могут ли вообще тираны обладать чувством юмора?

— Еще как могут! Но это мрачный юмор. Однажды Сталину доложили, что артист Геловани, который

иностранных дел и Внешторга, которые, как теперь говорят, входили в «группу риска», огромное здание в 19 подъездов в 1937-м почти вымерло. Но и в этой обстановке Борис Ефимович неизменно был острумен и оптимистичен, во всяком случае в общении с нами. Как ему это удавалось? Ведь его брата — крупнейшего журналиста предвоенной поры Михаила Кольцова — в эти годы репрессировали, да и будущее самого Бориса Ефимовича было неясно — звание народного художника СССР и трижды лауреата Государственных премий были еще впереди.

— вместе с Кукрыниксами и Левитаном. На нем было начертано: «Найти и повесить». Скромненько и со вкусом.

— Борис Ефимович, в трудное, противоречивое время вы прожили значительную часть большой славной жизни. Поделитесь секретом долголетия.

— Секрет на то и секрет, чтобы его не разглашать.

— А мы и не разгласим: только для наших читателей на основе «копирайта».

— Да нет никакого секрета. Во всяком случае, я для этого ничего не делал, никакого специального режима не изобретал, ни в чем себе не отказывал, гулял, выпивал, как всякий порядочный человек. Семнадцать лет назад, когда я был в Японии, один из новых друзей обратился с тем же вопросом: «Ефимов-сан, вы в 85 лет предприняли такой длинный перелет. В чем причина такого завидного здоровья и долголетия?» Пришло рассказать про аксакала-праведника, которого спросили, кто это буйнит за стеной. «Это мой старший брат, он бабник, обжора и пьяница». Здесь я не решился бы на такой старый анекдот, но для японца он оказался в самый раз.

— Знаю, что свой очередной, 102-летний день рождения вы встречаете новыми достижениями.

— В выставочном зале «Тушино» была организована экспозиция моих работ «Сатирическая летопись века» — всего около 350 рисунков — она функционировала с апреля по конец мая нынешнего года. Вышла книга мемуаров «Десять десятилетий». Там много персонажей, но принцип один: о ком бы ни шла речь — о Троцком, Сталине или, скажем, о Маяковском, — пишу только то, что видел своими глазами и слышал своими ушами. По инициативе Зураба Церетели занималась подготовкой материалов для создания отделения «Искусства карикатуры» при Российской академии художеств. Это одна из множества неожиданных его идей. Я называю его Зураб непредсказуемый». А недавно один из журналов предложил мне войти в состав его научно-редакционного совета наряду с академиком Примаковым, ректором МГИМО Торкуновым, Вероникой Дударовой, Александром Бовиным, Кареном Шахназаровым. Мне это импонирует, буду сотрудничать.

Как говорит один из героев Беля, у меня «всегда есть сказать пару слов». Особенно «Московской правде» — моей любимой газете. Вижу, что эта любовь взаимна, и для меня это большая честь и радость. Желаю газете такого же долголетия, большого тиража и популярности.

— Спасибо, Борис Ефимович, на добром слове.

Вам — здоровья и новых творческих успехов. И наши поздравления с днем рождения — сто вторым!

играл его в кино, просит разрешить пожить на его даче в Сочи — чтобы войти в образ. «Войти в образ полезно», — ответил он, — но зачем же сразу в Сочи? Почему бы ему не начать с Туруханска? Очень характерный для «Хозяина» «мягкий юмор».

— И тогда возникает вопрос: как соотносились два столь различных чувства юмора — ваше, профессиональное, и его, директивное. Иными словами, как он принимал ваше творчество? Ведь вы, наверное, общались с ним?

— Встречался много раз, но общался только по телефону. Или через посредников: Мехлис, Жданов, Поступов. Причем крайне редко называлась фамилия, чаще — Сам, Он, Хозяин.

В 1947-м Сталин сам вызвал меня к телефону. Сообщил, что в карикатуре на Эйзенхауэра одобрил графику, но кое-что поправил в тексте. А однажды позвонил Поступов: «Есть задание». Было ясно от кого. Через пару дней: «Хозяин понравился». Он сказал: «Хорошая карикатура должна быть и дураку понятна. Не потому ли уже в нынешние времена сочли необходимым выпустить мой альбом с рисунками полувековой давности? Они сегодня очень полезны для тех, кто относится с сочувствием к выступлениям реакционных молодчиков».

— Так вы, значит, в строю. Но основной пик творчества, как мне думается, у вас, как у Эренбурга, приходится на годы войны. Оно поднимало настроение бойцов. Я вам не скажу «за всю Одессу», но на Северо-Западном и Втором Прибалтийском фронтах я сам это наблюдал, в частности, в разведподразделениях. Ваш вклад в победу столь значителен, что хочется спросить о реакции Гитлера: не обвязывали ли он вас врагом № 1, как Маринеско, или № 2?

— Не удостоился. Просто был включен в «черный список» гестапо

Александр БЕРКОВ.